

ПОЗДНЕСОВЕТСКИЕ КЛУБЫ: КВН КАК ПРОСТРАНСТВО НАХОДИМОСТИ

**ФОКИН АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

Первый Московский государственный
медицинский университет имени
И.М. Сеченова Министерства
здравоохранения России

DOI: 10.17072/978-5-7944-4056-0-176-189

© Фокин А. А.

АННОТАЦИЯ

Через анализ истории «Клуба веселых и находчивых» в позднем СССР рассматривается ряд процессов, характерных для той эпохи. В позднем СССР происходит нормализация персонального досуга. При этом большинство видов позднесоветского досуга оказываются построенными на горизонтальных, а не на вертикальных связях. Одной из культовых форм такого досуга становится игра КВН, которая предлагает людям позицию как пассивного зрителя, так и активного участника. Чтобы проанализировать феномен первого КВН, надо понимать, что первоначально он существовал не в рамках позднесоветской смеховой культуры, а в рамках позднесоветского технооптимизма. Поэтому первые команды и первые чемпионы КВН были представителями технических вузов Советского Союза, которые могли быть не только «физиками», но и «лириками». Постепенно КВН развивался, и юмористическая составляющая начинала доминировать. Одновременно с этим КВН превратился во всесоюзное неформальное движение. Повторное открытие КВН вместе с политикой гласности привело к тому, что темы, ранее существовавшие в виде разговоров на кухне или в форме анекдотов, выходят на сцену и в эфир советского телевидения. Таким образом, КВН превращается в «публичное пространство находимости», которое задавало особую коммуникативную ситуацию и выступало точкой сборки коллективности КВН.

Ключевые слова: поздний СССР, КВН, субъективность, советская культура, советская модерність.

LATE SOVIET CLUBS: KVN AS A SPACE OF NAKHODIMOST

Aleksander A. Fokin

I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of Russia

Abstract.

Based on the analysis of the history of the "Club of Merry and Resourceful (KVN) in the late USSR a number of processes characteristic of that epoch are considered. In the late USSR there seems to be a tendency for normalization of personal leisure time. At the same time, the majority of late-Soviet leisure appears to be built on horizontal rather than vertical connections. One of the

iconic forms of such leisure is the KVN game, which offers people the position of both passive spectator and active participant. To understand the phenomenon of the first KVN game it is necessary to realize that it originally existed not within the framework of late Soviet laughter culture, but within the framework of late Soviet techno-optimism. Therefore, the first teams and the first KVN champions were representatives of technical universities of the Soviet Union, who could be not only "physicists" but also "lyricists". Gradually, KVN games developed, and the humorous component began to dominate. At the same time, KVN turned into an all-union informal movement. The reopening of KVN together with the policy of glasnost led to the fact that the topics which previously existed in the form of private talks in the kitchen or in the form of anecdotes appeared on stage and on the air of Soviet television. Thus, KVN turned into a "public space of findability", which set a special communicative situation and acted as an assembly point of KVN collectivity.

Key words: late USSR, KVN, subjectivity, Soviet culture, Soviet modernity.

«Партия, дай порулить!» – шутка команды КВН Новосибирского государственного университета, произнесенная в эфире 18 июля 1988 г., стала культовой и даже признается лучшей шуткой КВН в XX веке. Современному зрителю вряд ли будет понятно, почему эта короткая фраза вызвала бурную реакцию в зрительном зале и «ушла в народ». Несмотря на перестройку, в СССР продолжала действовать Конституция, принятая в 1977 г., в которой существовала 6-я статья, утверждавшая: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу». В более лаконичной форме эта мысль выражалась во фразе «Партия – наш рулевой!». Именно этот лозунг от лица молодежи и обыгрывали новосибирские кавээнщики, публично включая авторитетный дискурс в советскую смеховую культуру.

Несмотря на ряд интересных работ [Etty, 2019; Gérin, 2018; Waterlow, 2018; Waterlow, 2013; Velikanova, 2020; Архипова¹, 2004; Воробьева, 2008; Архипова, Мельниченко, 2011; Мельниченко, 2011; Скрадоль, 2011; Кирзюк, 2017], необходимо признать, что тема советской смеховой культуры еще недостаточно изучена и нуждается в комплексном исследовании. Большинство авторов трактуют смех в контексте сопротивления режиму и освобождают его от власти политических институтов. Такое понимание политического фольклора восходит к работе Михаила Бахтина о народной смеховой культуре Франции. Близка к этой и другая позиция, связанная с преодолением идеологического давления: «Политический анекдот (и, шире, культура стеба) стал естественным порождением и одновременно выходом из ситуации, в которой "сам язык воспринимался как коррумпированное средство

---

¹ Признана Министерством Юстиции РФ иностранным агентом

массовой дезинформации», прорывом замкнутого языкового круга» [Кирзюк, 2017, с. 84].

Но такой подход не является единственным, и ряд авторов оспаривают исключительно оппозиционную природу смеха. Юрген Варнекен отмечает, что политический юмор не всегда означает сопротивление режиму, а может преследовать иные цели с точки зрения говорящего [Warneken, 1978]. Необходимость восприятия контекста юмористического высказывания отмечает Мэри Бет Стейн [Stein, 1989]: без понимания того, в какой ситуации был воспроизведен тот или иной текст, невозможно в полной мере понять его интенцию. Халид Киштайни [Kishtainy, 1985] ставит под сомнение идею сопротивления власти через смех, отмечая, что смех может быть выгоден власти, поскольку является своеобразным клапаном, через который выходит социальное недовольство. В результате человек, смеясь над властью, делает власть более приемлемой. Анализ использования смеха государством в сталинский период раскрывают в своей книге Наталья Джонссон-Скрадоль и Евгений Добренко [Добренко, Джонссон-Скрадоль, 2022], по их мнению, смех в руках сталинского режима превращается в инструмент подавления и контроля. Джон Этти [Etty, 2019]² на примере журнала «Крокодил» продолжает изучать использование юмора властными институтами. Важным аспектом его работы является анализ стремления редакции вовлечь читателя и сделать его активным, а не пассивным потребителем официального юмора.

В позднем СССР на службу авторитетному дискурсу пытались привлечь все, что могло оказать воздействие на человека. Юмор и смех тоже должны были помочь в решении поставленных партией задач. В одном из своих выступлений Никита Хрущев говорил о необходимости «поддерживать честных, передовых людей труда и обличать лодырей и тунеядцев, всех, кто мешает нашему продвижению вперед». Он утверждал: «Стихи, басни, рассказы должны служить людям в великом и благородном деле строительства коммунизма. <...> Сатира, товарищи, свое дело делает. И поэтому тех, кто трудится без напряжения, полезно бывает немножко высмеять, ужалить»³. Петр Вайль и Александр Генис отмечали, что 1960-е гг. породили огромный пласт советского юмора. В это время начинали свою карьеру культовые советские режиссёры Леонид Гайдай и Эльдар Рязанов, приобщившие советского зрителя к киноэксцентрике, выходил в эфир КВН [Вайль, Генис, 2001, с. 142].

---

² John Etty, *Graphic Satire in the Soviet Union: Krokodil's Political Cartoons*. Jackson: University Press of Mississippi, 2019.

³ Цитируется по: Крокодил. 1961. № 34. С. 2.

В 1962 г. на киноэкранах появился «Фитиль», призванный «обличать и клеймить» имеющиеся недостатки советской действительности, а главным сатирическим оружием, конечно, выступал журнал «Крокодил». Хотя в 1920-е в СССР выходил целый ряд сатирических журналов, в начале 1930-х гг. они закрываются и единственным всесоюзным сатирическим журналом остается «Крокодил». В позднем СССР максимальный тираж журнала достигал 6,5 миллионов экземпляров, и фактически все жители СССР были знакомы с ним. Представлялось, что значение сатиры по мере продвижения к коммунизму будет увеличиваться и «при коммунизме человека общественные суды будут приговаривать к фельетону, все равно как сейчас нарсуд осуждает на три года отсидки»⁴.

Одновременно с развитием разрешенного смеха происходят и изменения в неофициальном юморе. В значительной степени это было связано с трансформацией общества на рубеже 1950–1960-х гг. Массовое жилищное строительство формирует личное пространство у большей части населения, урбанизационные процессы делают городскую культуру, в том числе и фольклорную, широко распространенной. Анекдот в силу этих факторов получает мощный импульс и становится одной из немногих относительно легальных (поскольку именно в начале 1960-х заканчиваются судебные преследования за анекдоты) форм выражения несогласия с официальным дискурсом. Помимо «кухонь», действенным фактором развития советской смеховой культуры позднего СССР становится рост числа бытовых телевизоров. В 1960 г. советская промышленность производила 1 млн телевизоров в год, а в 1970 г. уже 6 млн, но это все равно не могло удовлетворить потребности населения. Несмотря на дефицит, телевизоры становятся атрибутом советского образа жизни, и теперь советские семьи могут в приватном пространстве потреблять медиапродукты. Говоря о формировании советского ТВ, стоит выделить работы следующих авторов, поскольку в них анализируются различные ТВ-программы, в том числе «КВН» и «Что? Где? Когда?»: Kristin Roth-Ey [Roth-Ey, 2011], Christine Elaine Evans [Evans, 2016], Alexander Prokhorov and Elena Prokhorova [Prokhorov, Prokhorova, 2017], Kirsten Bönker [Bönker, 2020] и сборник “Television Beyond and Across the Iron Curtain” [Television Beyond, 2016]. В них советское телевидение показывается как часть глобальной модерности, находящаяся в то же время под сильным влиянием идеологических рамок, сформированных в условиях холодной войны.

Итак, в позднем СССР происходит нормализация персонального досуга. Если в раннесоветский и сталинский периоды была установка на обоб-

---

⁴ Ленч Л. Перья к бою. Крокодил. 1961. № 25. С. 2.

шествление свободного времени, когда человек должен был проводить нерабочее время в коллективе, то в позднем СССР у него появляется право на личный отдых. Происходит фрагментация досуга: кто-то поет бардовские песни у костра, кто-то жарит шашлыки с друзьями, кто-то коллекционирует марки и т.д. При этом большая часть видов позднесоветского досуга строится на горизонтальных, а не на вертикальных связях. Одной из культовых форм такого досуга становится игра КВН, которая предлагает людям позицию как пассивного зрителя, так и активного участника.

Точкой отсчета истории КВН принято считать 1959 г., когда на советском центральном телевидении стала выходить программа «Вечер веселых вопросов» – викторина, где участники должны были отвечать на смешные вопросы. В 1961 г. на основе этой передачи был создан «Клуб веселых и находчивых», который первоначально тоже замышлялся как конкурс эрудитов, в определенном смысле «Что? Где? Когда?» – это несостоявшийся вариант развития КВН. На начальном этапе существования КВН команды должны были отвечать на вопросы ведущего или демонстрировать свои творческие таланты. Одним из конкурсов той эпохи был БРИЗ (Бюро рационализации и изобретений): команды должны были представить новое изобретение или открытие. Чтобы исследовать феномен первого КВН, надо понимать, что первоначально он существовал не в рамках позднесоветской смеховой культуры, а в рамках позднесоветского технооптимизма.

Холодная война и появление новых видов вооружений, прежде всего ядерного и ракетного оружия, привели к формированию «большой науки», что потребовало значительного увеличения количества научно-технических работников, а в стремлении модернизировать советскую экономику ставка делалась на творческий потенциал кадров. Одновременно с этим советское руководство берет курс на улучшение качества жизни населения, вследствие чего начинают складываться новые практики стиля жизни и формируется советский вариант общества потребления. Поэтому возникновение КВН можно вписать в более широкий круг явлений. В 1958 г. решением Президиума ВЦСПС было создано Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов (ВОИР). Хотя подобные организации существовали и до этого, но именно в позднем СССР их состав расширяется, а власть делает ставку на инициативу снизу [Сагдеева, Сагдеев, Рахматуллин, 2017]⁵. В то же время начинает выходить журнал «Изобретатель и рационализатор», который должен

---

⁵ Сагдеева Г.С., Сагдеев А.А., Рахматуллин Д.Р. История организации изобретательства и рационализаторства // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4-5. С. 86–70.

был способствовать росту творческой активности советских работников. Параллельно с этим в СССР начинается развиваться ТРИЗ (Теория решения изобретательских задач). Хотя работа над принципами ТРИЗ была начата Генрихом Альтшуллером еще в 1946 г., первая публикация вышла только в 1956 г., а в 1961 г. выходит первое учебное пособие, посвященное принципам изобретательства⁶. В 1950–1960-е гг. творчество и наука/техника должны были пересекаться и дополнять друг друга. Неслучайно, что после реабилитации кибернетики в СССР ЭВМ, помимо решения научных и экономических задач, стали использовать и для творчества, пытаясь научить компьютеры рисовать картины, писать стихи, музыку и т.д. [Пруденко, 2019]. Поэтому первые команды и первые чемпионы КВН были представителями технических вузов Советского Союза, которые могли быть не только «физиками», но и «лириками».

Постепенно КВН развивался, и юмористическая составляющая начинала доминировать. Одновременно с этим КВН превратился во всесоюзное неформальное движение: в каждом крупном городе и в каждом университете теперь существовали команды КВН, которые соревновались между собой. Важно подчеркнуть, что КВН был молодежным движением, в которое вовлечены были преимущественно студенты, например, команд КВН крупных предприятий или даже НИИ не существовало. Успех КВН среди советской молодежи кроется в нескольких важных аспектах: 1) клуб формируется на основе принципа самоорганизации, то есть возникает структура, которая не встроена в официальную систему, как комсомол; 2) КВН оказывается уникальным сплавом разных форм творческой активности. Он объединил театр, танцы, песни, юмор, телевидение и т.д., став универсальным медиа. Таким образом, как и в случае с «Что? Где? Когда?», КВН как телевизионный проект породил массовое горизонтальное движение. Поскольку из простой игры он превратился в своеобразный советский Гайд-парк, в рамках которого допускались острые высказывания, КВН был закрыт в 1972 г. Инициатором закрытия передачи выступает Сергей Лапин (председатель союзно-республиканского Государственного комитета Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию), который считался сторонником более строгой цензуры в сфере культуры и сокращения развлекательной части на советском телевидении. По легенде предлогом стали бороды игроков команды из Одессы, в которых руководство советского телевидения увидело то ли пародию на Карла Маркса, то ли проявление сионизма. Возродился КВН уже в период перестройки – в 1986 г.

---

⁶ Альтшуллер Г. С. Как научиться изобретать. Тамбов: Тамбовское книжное издательство. 1961.

Приход к власти Михаила Горбачева запустил процесс трансформации советской системы, который получил название «перестройка». Сам М. Горбачев включал перестройку в свою политическую триаду «гласность – перестройка – ускорение». В контексте истории КВН наиболее важным элементом является гласность. На XXVII съезде КПСС Михаил Горбачев публично говорит о гласности: «Принципиальным для нас является вопрос о расширении гласности. Это вопрос политический. Без гласности нет и не может быть демократизма, политического творчества масс, их участия в управлении»⁷. С одной стороны, политика гласности снимала часть табу на обсуждение болезненных для советского общества вопросов и смягчала цензурные ограничения, с другой стороны, гласность предполагала активизацию низовых инициатив: теперь активность могла исходить не только сверху – со стороны властных институтов, но и снизу – от людей. Логично, что этим воспользовались авторы КВН, которые имели широкую базу студенческих клубов по всей стране. Если даже в первый период своего развития КВН уже заслужил славу передачи, в которой шутят на острые темы, то теперь гласность открывала возможность шутить еще больше. И если в 1960–1970-е острые шутки воспринимались как фрonda, то во времена перестройки сама государственная политика призвала обращать внимание на недостатки в жизни советского общества.

В полуфинале 1988 года⁸, когда была произнесена шутка «Партия, дай порулить!», команда НГУ показывала номер, который был построен на противоречиях политики гласности и перестройки. Стоить отметить интересный факт, что игроки команды Новосибирского государственного университета и их соперники из Днепропетровского государственного университета выступали в одежде с надписями «гласность» и «перестройка». Такая одежда в то время была не только политически актуальной, но и модной.

Само возникновение фразы «Партия – наш рулевой» может восходить к известному плакату Бориса Ефимова «Капитан Страны Советов ведет нас от победы к победе!» (1933 г), на котором изображен Иосиф Сталин, стоящий у руля с надписью «СССР». Такое изображение лидера страны может отсылать к оптимистичным ожиданиям относительно покорения Арктики советскими мореплавателями. Так, в 1933 г. в путь отправляется пароход «Челюскин», команда которого ставит своей целью доставить грузы по Северному морскому пути за одну навигацию. Но окончательную форму лозунг приобрел благодаря Сергею Михалкову – автору слов гимна СССР, который в 1952 г. публикует стихотворение «Партия – наш рулевой», где были такие строки: «Партия наши народы сплотила / В братский, единый союз трудовой. / Пар-

тия – наша надежда и сила, / Партия – наш рулевой!», а композитор Ваню Мурадели пишет на эти стихи песню. Примерно с конца 1950-х гг. песня входит в идеологически правильный репертуар как отдельных исполнителей, так и хоровых коллективов. Так, она исполнялась Краснознаменным ансамблем песни и пляски Советской Армии имени Александра и Отдельным показательным оркестром Министерства обороны СССР на праздничных мероприятиях. После этого фраза появляется на плакатах, транспарантах, стенах домов и становится частью советского культурного ландшафта.

Важно отметить, несмотря на то, что стихотворение и песня были написаны на самом закате сталинской эпохи, популярность они приобрели уже в позднесоветское время. В значительной степени успех лозунга «Партия – наш рулевой!» может быть вписан в общую концепцию усиления роли партии в послесталинский период. В 1961 г. на XX съезде КПСС принимается III программа КПСС, важнейшим пунктом которой становится «развернутое строительство коммунизма». Предполагалось, что в течение 20 лет в СССР будут построены основы коммунистического общества. Никита Хрущев с партийной трибуны выразил эту мысль так: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!»⁹. Еще со времен Карла Маркса и Фридриха Энгельса переход к коммунизму означал отмирание государства как инструмента эксплуатации. После прихода большевиков к власти и начавшейся Гражданской войны государство рассматривалось как неизбежное зло, призванное защищать завоевания социалистической революции. Но показательным может быть сравнение текстов Конституции СССР 1936 г. и 1977 г. В «сталинской» версии Конституции о партии говорится в 126-й статье: «В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». Хотя ВКП(б) и провозглашается руководя-

---

⁹ Открытие XXII съезда КПСС // Правда. 19 октября 1961 г.

щим ядром всех общественных и государственных организаций, но перечисление партии в одном ряду с профсоюзами, кооперативами, спортивными клубами и т.д., да еще и почти в самом конце Конституции, не позволяет говорить о том, что основной закон страны подчеркивал важнейшую роль партии в жизни СССР. Но в «брежневской» версии ситуация меняется. Статья 6, которая уже приводилась выше, находится в самом начале Конституции, подчеркивая доминирование партийных структур в советской системе, и однозначно говорит о том, что именно партия, а не государство «рулит» процессами в стране.

В Программе партии закреплялся тезис о перерастании государства диктатуры пролетариата в общенародное государство. Государство меняло свою роль: вместо орудия классовой борьбы появлялся институт, выражающий интересы всего населения Советского Союза¹⁰. Государство до полной победы коммунизма продолжит выполнять широкий спектр функций в экономике, связанных с созданием материально-технической базы коммунизма, преобразованием общественных отношений в коммунистические и осуществлением других процессов, обеспечивающих переход к коммунизму [Всемирная история..., 1997, с. 467]. По мере продвижения к цели руководство страной будет постепенно переходить от государственных органов к органам общественного самоуправления. Исходя из этого, на рубеже 1950–1960-х гг. расширяется спектр участия в управлении различных общественных объединений: вводятся трудовые суды предприятий и товарищеские суды домоуправлений, женсоветы получают больше полномочий для решения «мелких проблем» [Жидкова, 2008].

Подобную судьбу предусматривала партия для самой себя в своей Программе: КПСС как политической организации существовать не будет, она постепенно преобразуется, сольется с другими общественными органами в единую систему общественного самоуправления. Партия как авангард всего народа и носитель огромного опыта и знания образует основное руководящее ядро коммунистического самоуправления. Партия в период «развернутого строительства коммунизма» брала на себя функции обеспечения высокого уровня политического и организационного руководства, подъема активности масс и вовлечения трудящихся в управление производством и обществом, усиления коммунистического воспитания и преодоления пережитков, а также, конечно, творческого развития и пропаганды идей научного коммунизма¹¹. КПСС, являясь параллельной государству структурой, постепенно

---

¹⁰ XXII съезд КПСС. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет: в 3 т. М., 1962. Т. 1. С. 206.

¹¹ Рожин В. П. Развитие XXII съездом КПСС марксистско-ленинской теории. Л., 1963. С. 23.

перенимала его основные функции. Таким образом, партия нуждалась не только в формальном закреплении своей возрастающей роли, но и в дискурсивном обосновании. Поэтому именно партия, а не правительство или Верховный совет позиционировалась в роли «рулевого».

Как отмечает в своей книге Алексей Юрчак, по отношению к постсталинскому СССР происходит перформативный сдвиг [Юрчак, 2014, с. 76]. Таким образом, элементы авторитетного дискурса, принижающие многие повседневные практики, ибо они окружали советского человека на работе, на отдыхе, на улице и даже дома, становились своеобразными кубиками, из которых можно было построить что-то новое.

В этом аспекте выступления команд КВН сближаются с соц-артом (соцреалистическим искусством), который, в отличие от поп-арта, использовал не рекламные, а идеологические образы. Например, Виктор Комар и Александр Мелаид¹² подписали своими именами лозунг «Вперед к победе коммунизма!», тем самым превратив безымянное идеологическое клише в авторское художественное высказывание. Как отмечает искусствовед Кирилл Светляков, в 1970-е гг. агитация уже воспринималась в качестве второй природы или, можно сказать, естественной среды обитания, которую одни не замечали, а другие старались не замечать. Идеологические послания, инструкции или разного рода предупреждения, сделанные ярко и броско, попадались всюду. В результате текст вытеснял и подменял собой картинку реальности. «Металлические буквы, из которых состояли лозунги типа «Наша цель – коммунизм!», могли растягиваться на крышах сразу нескольких многоэтажных домов. Зрительно они имели больший вес и наделялись большей материальностью, чем окна и балконы многоэтажек. И если на Западе идеи концептуального искусства возникали на основе философии, то важнейшим источником московского концептуализма была сама советская реальность, переполненная текстами» [Светляков, 2018, с. 758]. Таким образом, в различных аспектах позднесоветской культуры постепенно наблюдалось переосмысление авторитетного дискурса. Вместо прямого отрицания, свойственного позднему политическому диссидентству, происходило обыгрывание и переформатирование идеологических конструкций.

Фактически каждое выступление команд с 1986 по 1991 год и даже позднее – это пародия не столько на советскую повседневность, сколько на советский авторитетный дискурс. Повторное открытие КВН

---

¹² «Комар и Мелаид» – советская арт-группа, образованная художниками Виталием Комаром и Александром Мелаидом в 1972 г. Считаются одними из основателей соц-арта как художественного направления.

вместе с политикой гласности привело к тому, что темы, ранее существовавшие в виде разговоров «на кухне» или в форме анекдотов, выходят на сцену и в эфир советского телевидения. Успех возрожденного КВН в значительной степени был связан с тем, что Клуб выступал своеобразным голосом поколения. В СССР были профессиональные юмористы – Евгений Петросян, Михаил Задорнов, Михаил Жванецкий, Семен Альтов, Аркадий Арканов, которые пользовались народной любовью и в период перестройки тоже шутили на общественно-политические темы. Но они были профессионалами, КВН же позиционировался как игра студентов-энтузиастов, имеющая минимальный порог вхождения в это движение, что почти размывало границу между теми, кто выступал на сцене, сидел в зрительном зале и смотрел эфир у себя дома.

Важно, что фактически каждое выступление команд КВН с 1986 по 1991 г. и даже позже строилось вокруг проблем в стране. При этом с экрана советских телевизоров участники открыто говорили о многих трудностях, с которыми сталкивалась как страна в целом, так и отдельные зрители. Алексей Юрчак в своей книге говорит о существовании в позднем СССР «пространств вневходимости», в которых незнакомые люди могли быть друг с другом как со своими. Но если автор обращает внимание на пространства внешние по отношению к советской системе, например кафе «Сайгон», то КВН оказывается продуктом советской системы и при этом публичным проектом. Таким образом, КВН превращается в «публичное пространство находимости», которое задавало особую коммуникативную ситуацию и выступало точкой сборки коллективности КВН. В СССР никогда не было прямого запрета на публичную сферу, наоборот, считалось, что новый советский человек должен быть не пассивным, а активным субъектом. Только эта активность не должна была идти вразрез с линией партией. Изначально КВН должен был репрезентировать и стимулировать творческую активность масс, подпитывать общий энтузиазм молодежи. Постепенно это «пространство находимости» сдвигается в сторону критики отдельных недостатков советской жизни, которая в определенных границах была легитимным способом улучшения советской системы. Но основной характеристикой «публичного пространства находимости» КВН становится возможность формирования новой модерновой субъективности среди молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Архипова А., Мельниченко М. Анекдоты о Сталине. Тексты, комментарии, исследования. М.: ОГИ, РГГУ, 2011. 399 с.
- Архипова А.С. Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 125 с.

- Вайль П. Генис А. 60-е. Мир советского человека М.: НЛЮ, 2001. 368 с.
- Воробьева М.В. Анекдот как феномен повседневной культуры советского общества (на материале анекдотов 1960-1980-х гг.): дис. ... канд. культурологии; Екатеринбург, 2008. 190 с.
- Всемирная история экономической мысли. М.: Мысль, 1997. Т. 6, кн. 1. 784 с.
- Добренко Е., Джонсон-Скрадоль Н. Госсмех: Сталинизм и комическое. М.: НЛЮ, 2022. 768 с.
- Жидкова Е. Практика разрешения семейных конфликтов: обращение граждан в общественные организации и партийный ячейки // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 266–289.
- Кирзюк А.А. Политический анекдот в контексте позднесоветской культуры // *Studia culturae*. 2017. № 1. С. 75–84.
- Мельниченко М.А. Советский политический анекдот 1918–1953 годов как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 409 с.
- Пруденко Я. Кибернетика в гуманитарных искусствах и науках СССР. Анализ больших баз данных и компьютерное творчество. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2019. 308 с.
- Сагдеева Г.С., Сагдеев А.А., Рахматуллин Д.Р. История организации изобретательства и рационализаторства // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2017. № 4–5. С. 86–70.
- Светляков К. А. Художественные практики Виталия Комара и Александра Меламида: от производства к медиа // *Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. Вып. 8. С. 758–778.
- Скрадоль Н. «Жить стало веселее»: сталинская частушка и производство «идеального советского субъекта» // *Новое литературное обозрение*. 2011. № 108. С. 160–183.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛЮ, 2014. 664 с.
- Bönker K. *Television and Political Communication in the Late Soviet Union*. Lexington Books, 2020. 294 p.
- Etty J. *Graphic Satire in the Soviet Union: Krokodil's Political Cartoons*. Jackson: University Press of Mississippi, 2019. 266 p.
- Evans Ch. E. *Between Truth and Time: A History of Soviet Central Television (Eurasia Past and Present)*. Yale University Press, 2016. 360 p.
- Gérin A. *Devastation and Laughter: Satire, Power, and Culture in the Early Soviet State (1920s–1930s)*. Toronto: University of Toronto Press, 2018. 288 p.
- Kishtainy Kh. *Arab Political Humour*. London: Quartet Books, 1985. 196 p.
- Prokhorov A., Prokhorova E. *Film and Television Genres of the Late Soviet Era*. New York: Bloomsbury Academic, 2017. 219 p.
- Roth-Ey K. *Moscow Prime Time: How the Soviet Union Built the Media Empire That Lost the Cultural Cold War*. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 328 p.
- Stein M. B. The Politics of humor: The Berlin wall in jokes and graffiti // *Western Folklore*. 1989. Vol. 48, № 2. P. 85–108.
- Television Beyond and Across the Iron Curtain* / ed. by J. Obertreis, K. Bönker, S. Grampp. Cambridge Scholars Publishing, 2016. 320 p.
- Velikanova O. *Laughter Is a Serious Matter* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2020. Vol. 21, № 4. P. 904–914.
- Warneken B. J. *Der sozialkritische Witz als Forschungsproblem* // *Zeitschrift für Volkskunde*. 1978. Bd. 74. S. 20–29.
- Waterlow J. *Intimating Trust: Popular Humour in Stalin's 1930s*. // *Cultural and Social History*. 2013. Vol. 10, № 2. P. 211–29.
- Waterlow J. *It's Only A Joke, Comrade! Humour, Trust and Everyday Life under Stalin (1928–1941)*. Scotts Valley, CA: Create Space, 2018. 308 p.

REFERENCES

- Arkipova A., Melnichenko M. (2011) *Anekdoty o Staline. Teksty, kommentarii, issledovanija*. [Anecdotes about Stalin. Texts, comments, research]. Moscow, USSR: OGI, RGGU. 399 p. (The Ministry of Justice of the Russian Federation recognized A.S. Arkipova as a foreign agent)
- Arkipova A.S. (2004) *Anekdot i ego prototip: genesis teksta i formirovanie zhanra* [Anecdote and its prototype: text genesis and genre formation. Cand. phil. Sciences]. Moscow, USSR. 125 p. (The Ministry of Justice of the Russian Federation recognized A.S. Arkipova as a foreign agent).
- Bönker K. (2020) *Television and Political Communication in the Late Soviet Union*. Lexington Books. 294 p.
- Dobrenko E., Jonsson-Skradol N. (2022) *Gossmeh: Stalinizm i komicheskoe* [Gossmech: Stalinism and the Comic]. Moscow, USSR: NLO. 768 p.
- Etty J. (2019) *Graphic Satire in the Soviet Union: Krokodil's Political Cartoons*. Jackson: University Press of Mississippi. 266 p.
- Evans Ch. E. (2016) *Between Truth and Time: A History of Soviet Central Television (Eurasia Past and Present)*. Yale University Press. 360 p.
- Gérin A. (2018) *Devastation and Laughter: Satire, Power, and Culture in the Early Soviet State (1920s–1930s)*. Toronto: University of Toronto Press. 288 p.
- Kishtainy Kh. (1985) *Arab Political Humour*. London: Quartet Books. 196 p.
- Kirzyuk, A.A. (2017) *Politicheskij anekdot v kontekste pozdnesovetskoj kul'tury* [Political anecdote in the context of late Soviet culture], *Studia culturae* [Studia culturae]. № 1. pp. 75–84.
- Melnichenko M.A. (2011) *Sovetskij politicheskij anekdot 1918–1953 godov kak istoricheskij istochnik* [Soviet political anecdote of 1918–1953 years as a historical source. Dissertation. kand. ist. Nauk]. Moscow, USSR. 409 p.
- Prokhorov A., Prokhorova E. (2017) *Film and Television Genres of the Late Soviet Era*. New York: Bloomsbury Academic. 219 p.
- Prudenko Ya. (2019) *Kibernetika v gumanitarnyh iskusstvah i naukah SSSR. Analiz bol'shikh baz dannyh i komp'juternoe tvorcestvo* [Cybernetics in Humanitarian Arts and Sciences of the USSR. Analysis of large databases and computer creativity]. Moscow: Garage Museum of Modern Art. 308 p.
- Roth-Ey K. (2011) *Moscow Prime Time: How the Soviet Union Built the Media Empire That Lost the Cultural Cold War*. Ithaca: Cornell University Press. 328 p.
- Sagdeeva G.S., Sagdeev A.A., Rakhmatullin D.R. (2017) *History of the organization of invention and rationalization, Actual problems of humanities and natural sciences*. № 4–5. pp. 86–70.
- Skradol N. (2011) «Zhit' stalo veselee»: stalinskaja chastushka i proizvodstvo «ideal'nogo sovetskogo subekta» [“It became more cheerful to live”: Stalin's ditty and the production of the “ideal Soviet subject”], *NLO* [NLO]. № 108. pp. 160–183.
- Stein M. B. (1989) *The Politics of humor: The Berlin wall in jokes and graffiti*, *Western Folklore*. Vol. 48. № 2. pp. 85–108.
- Svetlyakov K. A. (2018) *Hudozhestvennye praktiki Vitalija Komara i Aleksandra Melamida: ot proizvodstva k media* [Artistic practices of Vitaly Komar and Alexander Melamid: from production to media], *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sb. nauch. state* [Actual problems of theory and history of art: collection of scientific articles]. Vyp. 8. SPb.: Izd-vo SPbSU. pp. 758–778.
- (2016) *Television Beyond and Across the Iron Curtain* edited by Julia Obertreis, Kirsten Bönker, Sven Grampp Cambridge Scholars Publishing. 320 p.
- Velikanova O. (2020) *Laughter Is a Serious Matter*, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, vol. 21 no. 4, pp. 904–914.
- Vorobyeva M.V. (2008) *Anekdot kak fenomen povsednevnoj kul'tury sovetskogo obshchestva (na materiale anekdotov 1960-1980-h gg.): dis. ... kand. kul'turologii* [Anecdote as a phenomenon of everyday culture of the Soviet society (on the material of anecdotes of 1960–1980s). Cand. of cultural studies]. Ekaterinburg. 190 p.

- Warneken B. J. (1978) Der sozialkritische Witz als Forschungsproblem, Zeitschrift für Volkskunde. Bd. 74. S. 20–29.
- Weil P. Genis A. (2001) 60-e. Mir sovetskogo cheloveka [60-e. The World of Soviet Man Moscow]. USSR: NLO. 368 p.
- (1997) Vsemirnaja istorija jekonomicheskoj mysli [World history of economic thought]. T. 6, book 1. Moscow, USSR: Mysl. 784 p.
- Waterlow J. (2013) Intimating Trust: Popular Humour in Stalin's 1930s., Cultural and Social History, vol. 10, no. 2. pp. 211–29.
- Waterlow J. (2018) It's Only A Joke, Comrade! Humour, Trust and Everyday Life under Stalin (1928–1941). Scotts Valley, CA: Create Space. 308 p.
- Yurchak A. (2014) Jeto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [It was forever, until it ended. The Last Soviet Generation]. Moscow, USSR: NLO, 2014. 664 p.
- Zhidkova E. (2008) Praktika razreshenija semejnyh konfliktov: obrashhenie grazhdan v obshhestvennye organizacii i partijnyj jachejki [Practice of family conflict resolution: citizens' appeal to public organizations and party cells], Sovetskaja social'naja politika: sceny i dejstvujushhie lica, 1940–1985 [Soviet social policy: scenes and actors, 1940–1985]. Moscow, USSR. pp. 266–289.